

К Стриндбергу я уже давно приступил (80 кр. за лист, не так ли?). Но прошу Вашего совета. Вы сами, вероятно, догадываетесь, что мои познания в шведском языке не блистательны? Так вот: в случае, если какое-либо место перевода покажется мне темным, сомнительным или, так сказать, ненасыщенным, то в какой перевод мне лучше нырнуть — во французский или немецкий?

Начал же я — само собою разумеется — с «Исповеди глупца» и с «Красной комнаты».

Засим клянюсь Вам и крепко жму руку.

Ваш А. КУПРИН

P. S. Я придумал и компенсацию. Живучи в Совдепии я перевел шиллеровского «Дон Карлоса» пятистопным ямбом (5600 строк стихов). Люди авторитетные (напр., Эйхельбаум) остались довольны. До меня был перевод лишь Мих. Достоевского в 50-х годах, весьма неточный, слабый и неуклюжий... Рукопись у меня осталась в Совдепии в О[бщест]ве драматических писателей. На днях я сделаю попытку выручить ее и пришлю Вам. Но будет ли толк?

А. К.

VI

[Гельсингфорс, весна 1920]

Дорогой Евгений Александрович!

Вы, как человек благоразумный и дальновидный (простите за невольные кляксы, перо скверное) были, конечно, правы. То, что Вы предлагали мне за том, было вдвое выгоднее и втрое удобнее. Но — (я не хотел признаваться) — момент у меня был такой жгучий, нестерпимо-настоятельный и гнусно-материальный, что я охотно променял бы нынешнюю микроскопическую птичку на завтрашнего жирного слона. Поймете ли Вы мою эмигрантскую печаль, безденежность нашей газеты и позднее бесплодное раскаяние?

В перевод Стриндберга мы влезли втроем. Переводчик (новый), я и стучальщик на машинке* (в окончательный оттиск я еще раз правлю по машинке). Я думаю, что издательство будет удовлетворено тем, что я подписываюсь как редактор перевода. А не как переводчик? Ибо кроме духовного знания Стриндберга, которого я считаю в числе двенадцати мировых писателей, у меня как справочники имеются шведский словарь, на крайний случай — немецкие переводы. Шведский язык я понимаю лишь настолько, чтобы читать газеты, а Вам известно, что газетный нормальный лексикон включает в себя не больше ста слов и десяти оборотов. Очень может быть, что мне придется уехать в Париж или Берлин. На точности присылки материала это отразится только перерывом в 3—4 недели. Затем пойдет дело механически: мне присылают перевод, я его правлю, отсылаю, его перепечатывают на машине (если выгоднее, то и на месте, у меня), затем шлю или шлют его Вам. Надеюсь, что за «Записками дурака» (заглавие будет у меня другое) пойдет «Красная комната», потом три-четыре драмы, потом серия рассказов?

Вы писали об авансе. Вообще я был бы против этого начала. Но в виду высокой стоимости кроны именно теперь его хорошо было бы получить, потому что перевод, бумага, переписка и почтовые расходы лягут на меня в финской валюте. В среднем расчете мне отдается около 25—30%. Но это очень хорошо. И, крепко пожимая Вашу руку, пребываю благодарным Вам.

А. КУПРИН

* юнкер, сын банковской конторы.